

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»
Институт непрерывного педагогического образования
Кафедра педагогики и методики начального образования

Христианская литература и древнерусская словесность

ФОНД ОЦЕНОЧНЫХ СРЕДСТВ

СОГЛАСОВАНО

Заместитель директора ИГУМ

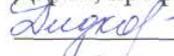
 Елкин С.М.

20.09. 2017 г.

Протокол № 7

РАЗРАБОТАЛ

Д.ф.н., профессор

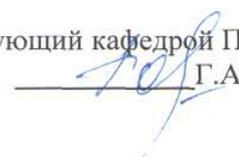
 В.Г. Дидковская

15.06 2017 г.

Принято на заседании кафедры
ПМНО

Протокол № 11 от 28.06 2017 г.

Заведующий кафедрой ПМНО

 Г.А. Орлова

Великий Новгород
2017

**Паспорт фонда оценочных средств
по учебному модулю Христианская литература и древнерусская словесность
для направления подготовки 44.04.01 – Педагогическое образование
Профиль – Православная культура в современном образовании**

Модуль, раздел (в соответствии с РП)	Контролируемые компетенции (или их части)	ФОС	
		Вид оценочного средства	Количество вариантов заданий
Тема 1	ОК-1, ОК-3, ОПК-1	Устный опрос реферат тест	2
Тема 2	ОК-1, ОК-3, ОПК-1	Устный опрос реферат тест комментирование	1
Тема 3	ОК-1, ОК-3, ОПК-1	Устный опрос реферат тест комментирование	1
Тема 4	ОК-1, ОК-3, ОПК-1 ПК-2	Устный опрос реферат	4

Характеристика оценочного средства № 1

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ТЕСТИРОВАНИЕ

Параметры оценки

Условия оценки	
Предел длительности контроля знаний	45 мин.
Критерии оценки:	
17-20 б.	Правильно ответил более чем на 90 % вопросов
13-16 б.	Правильно ответил более чем на 75 % вопросов
10-12 б.	Правильно ответил более чем на 50 % вопросов

Характеристика оценочного средства № 2

КОНСПЕКТ ИСТОЧНИКА

1.1 Общие сведения об оценочном средстве

Технология развития критического мышления через чтение и письмо предполагает анализ текста, который выполняется магистрантами индивидуально. Для анализа предлагаются несколько источников. Перед прочтением задаются в письменной форме оценочные и интерпретирующие вопросы, ответы магистрантов на них помогут оценить уровень владения навыками работы с текстом, трудном для восприятия. Итог: развитие мыслительных навыков, умение работать с текстом. Этапы работы с научным текстом: чтение, анализ, ответы на вопросы, конспектирование.

1.2 Параметры оценки

Условия оценки	
Предел длительности контроля знаний	45 мин.
Критерии оценки:	
5 б.	Продemonстрировал навыки систематизации информации логично изложил проблему.
4 б.	Продemonстрировал навыки систематизации информации, но конспект содержит недочеты в логике изложения
3 б.	Не смог систематизировать материал. Конспект содержит недостаточно полную информацию.

Характеристика оценочного средства № 3

ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ КОММЕНТИРОВАНИЕ ТЕКСТА

Параметры оценки

Условия оценки	
Предел длительности контроля знаний	45 мин.
Критерии оценки:	
5 б.	Продemonстрировал знание материала, правильно выполнил задание.
4 б.	Продemonстрировал знание материала, Допустил несколько ошибок.
3б	Выполнил задание с ошибками

Характеристика оценочного средства № 4

СОБЕСЕДОВАНИЕ

Собеседование проводится по теме, которая не изучается подробно в курсе истории русского литературного языка: она рассматривается только обзорно на обзорной лекции для перехода к характеристике новой эпохи существования литературного языка – национальной. Цель собеседования – выяснить, как поняты и усвоены теоретические проблемы, связанные с изучением темы, обсудить их современное состояние.

Параметры оценки

Условия оценки	
Предел длительности контроля знаний	45 мин.
Критерии оценки:	
13-15 б.	Проявил умение обобщать информацию Продемонстрировал навык мыслить научно, определять этапы развития содержания и построения изложения.
10-12 б.	Не смог правильно систематизировать материал, обобщить информацию. Продемонстрировал навык мыслить научно, определять этапы развития содержания и построения изложения
7-9 б.	Не смог правильно систематизировать материал, обобщить информацию; не в полной мере владеет материалом

Дополнительная литература:

1. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка 17-19 веков. М., 1982.
2. Горшков А.И. Теория и история русского литературного языка. М., 1984.
3. Ковалевская Е.Г. История русского литературного языка. М., 1978.
4. Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (10 – сер. 18 в.). М., 1975.
5. Успенский Б.А. История русского литературного языка (11-17 вв.). М., 2002.
6. Филин Ф.П. О свойствах и границах литературного языка. – ВЯ, 1975, №6.
7. Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Тестирование

Тест 1. Древнерусский литературный язык

1. Теорию церковнославянского происхождения русского литературного языка сформулировал

а) Г.О. Винокур; б) Б.А. Ларин; в) Н.И. Толстой; г) Ф.П. Филин; д) А.А. Шахматов

2. Языковую ситуацию в Киевской Руси считал диглоссией

а) Б.А. Ларин; б) Н.И. Толстой; в) Б.А. Успенский; г) С.П. Обнорский; д) А.М. Камчатнов

3. Утверждение «По своему происхождению русский литературный язык – это перенесенный на русскую почву церковнославянский... в течение веков сближавшийся с живым народным языком...» принадлежит

А.А.Шахматову

С.П.Обнорскому

Б.А. Успенскому

А.И.Горшкову

В.В.Виноградову

4. Автор утверждения «Процессы преобразования церковнославянско-русской диглоссии в церковнославянско-русское двуязычие начинаются со второго южнославянского влияния»

Б.А.Ларин

Е.Г.Ковалевская

А.И.Горшков

Б.А.Успенский

С.П.Обнорский

5. Роль нормы литературности в древнейший период существования русского литературного языка выполняли тексты на _____ языке.

6. Фрагмент текста "Тогда наведе на ны языкъ немилостивъ, языкъ лють, языкъ не щадяшь красы уны, немощи старецъ, младости дѣтии... относится к _____ памятникам древнерусского литературного языка

7. Тексты древнерусского периода развития литературного языка

"Слово о законе и благодати"

"Моление Даниила Заточника"

"Житие Сергия Радонежского"

"Задонщина"

"Повесть о Шемякином суде"

8. Тексты древнерусского периода развития литературного языка

"Житие Бориса и Глеба"

"Хождение Богородицы по мукам "

"Хождение за три моря"

"Служба кабаку"

"Повесть о Фроле Скобееве"

9. Лексика типа *стѣнь, скрижаль, глаголати, тварь, грядти, нужда* характерна для памятников древнерусского литературного языка

деловых
церковных
светских
разговорных
книжных

10. Наиболее известные авторы древнерусских церковных памятников

Феодосий Печерский
Кирилл Туровский
Владимир Мономах
митрополит Илларион
протопоп Аввакум

Вариант 2. Древнерусский литературный язык

1. Время существования древнерусского литературного языка

10 – 11 вв.
11 – начало 14 в.
14 – 17 вв.
6 – 9 вв.

2. Древнерусский литературный язык вбирал в себя элементы _____ и _____ языка, которые постоянно взаимодействовали друг с другом.

3. Характерным для диглоссии является невозможность употребления книжного языка как _____ языка

4. Сосуществование и функциональное размежевание двух литературных языков – это _____

5. Памятники древнерусского литературного языка

- а) «Русская Правда»
- б) «Задонщина»
- в) «Хождение за три моря»
- г) «Поучение Владимира Мономаха»
- д) «Житие Сергия Радонежского»

6. Древнерусские церковные памятники

- а) «Житие Стефана Пермского»
- б) «Слово о Законе и Благодати»
- в) «Слово о погибели Русской земли»
- г) «Житие протопопа Аввакума»
- д) «Сказание о Борисе и Глебе»

7. Древнерусские светские памятники

- а) «Домострой»
- б) «Шестоднев»
- в) «Моление Даниила Заточника»
- г) «Повесть о Шемякине суде»
- д) «Слово о полку Игореве»

8. Лексика типа *агньци, възвестити, леторасли, воня* характерна для _____ памятников древнерусского литературного языка.

9. Наиболее известный древнерусский церковный памятник

- а) "Житие Бориса и Глеба"
- б) "Моление Даниила Заточника"
- в) "Слово о законе и благодати"
- г) "Повесть о слепце и хромце"
- д) "Житие Стефана Пермского"

10. Фрагмент текста "Веку же сему къ концу приближающуюся, посети Господь человеческого рода и сниде съ небесе..." относится к _____ памятникам древнерусского литературного языка

Конспектирование

Н.С. Трубецкой

ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЭЛЕМЕНТ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Родословие русского литературного языка приходится начинать очень издалека, со времени славянских первоучителей св. равноапостольных Кирилла и Мефодия. Как известно, св. Кирилл перевел Евангелие и некоторые другие тексты Св. Писания и литургической литературы на особый язык, который принято называть старославянским или староцерковнославянским. Язык этот с самого начала был искусственным. В основе его лежал говор славян города Солуни, принадлежавший к праболгарской группе южнославянских говоров, но в то же время отличавшийся от прочих говоров той же группы некоторыми чертами и в общем даже для своего времени очень архаичный. Однако живой народный говор солунских славян, разумеется, не был сам по себе приспособлен для перевода греческих литературных текстов. Св. Кириллу и его брату, св. Мефодию, продолжившему его дело после смерти св. Кирилла, пришлось ввести в солунско-славянский говор очень много новых слов. Эти новые слова были частью взяты из говора моравских славян, среди которых протекало апостольское служение св. первоучителей, частью были заимствованы из греческого, частью же были искусственно созданы из славянских элементов по образцу соответствующих греческих слов. В области синтаксических оборотов первоучители в общем сохранили основные своеобразные черты славянского языка, но все же подчинились в сильной мере влиянию греческого оригинала, так что в церковнославянском тексте отразились черты того особого греческого синтаксиса, который так характерен для греческого текста Св. Писания. Таким образом возник церковнославянский язык – язык с самого начала своего существования чисто литературный, т.е. более или менее искусственный, существенно отличающийся своим словарем, синтаксисом и стилистикой от того живого народного (солунско-славянского) говора, который лег в его основу. Именно примыкание к более древней греческой литературно-языковой традиции помогло превратить живой разговорный язык солунских славян в язык высшей духовной культуры, в язык литературный по существу.

Выше мы видели, что последним звуковым изменением, общим всем диалектам праславянского языка, было падение слабых *ъ* и *ь* и что до начала этого изменения праславянский язык еще нельзя было считать окончательно распавшимся. Перевод Св. Писания и создание староцерковнославянского языка были предприняты славянскими первоучителями еще до начала падения слабых *ъ* и *ь* и, следовательно, еще до окончательного распада праславянского языка. Это обстоятельство надо иметь в виду, чтобы правильно определить место и значение староцерковнославянского языка в истории развития славянских языков. Как явствует из вышесказанного, староцерковнославянский язык можно рассматривать как *литературный язык конца праславянской эпохи*. Так как во время деятельности славянских первоучителей отдельные отпрыски праславянского языка еще не утратили способности к совместным изменениям и праславянский язык в своем целом еще не перестал быть субъектом эволюции, то в сущности отдельных славянских *языков* в это время еще не было, а были лишь отдельные *диалекты* единого праславянского языка.

При таких условиях создание одного общеславянского литературного языка для всей территории праславянского языка было предприятием вполне осуществимым, причем за основу для такого общеславянского литературного языка можно было принять любой местный говор. Св. Кирилл принял за основу для этого литературного языка говор солунских славян, по-видимому, только потому, что сам был родом из Солуни и практически владел именно этим говором. Но характерно, что самый перевод богослужебных книг и Св. Писания был предпринят св. Кириллом вовсе не для проповеди среди солунских славян, а для просвещения славян моравских, говоривших на диалекте прачехословацкой группы, и что эти моравские славяне, услышав богослужение на церковнославянском языке, восприняли этот язык не как иностранный, а как свой родной.

Таким образом, благодаря деятельности свв. Кирилла и Мефодия славяне IX века получили литературный язык. Этот литературный язык не замедлил распространиться среди всех славян, обращенных в христианство, но не у всех этих славян удержался. Прежде всего надо заметить, что в отношении произношения, а отчасти и грамматики и даже словаря, язык этот у разных христианских славянских племен подвергся известным изменениям. Мы знаем, что и, например, современный немецкий язык в устах берлинца звучит иначе, чем в устах венца, что французский язык во Франции, в Бельгии и Швейцарии звучит очень различно, что язык английский в Америке не совсем таков, как в Англии, и т.д. И это несмотря на то, что современные большие литературные языки имеют возможность унифицировать произношение путем школы и почти всегда имеют какой-нибудь центр (столицу государства и т.д.), по произношению которого равняются другие города и области. Так как у славян IX-X вв. ничего подобного не было и так как город Солунь, говор которого был положен славянскими первоучителями в основу литературного языка, не только не играл в жизни всего славянства сколько-нибудь значительной роли, но даже не был чисто славянским городом, то естественно, что отклонения от солунской нормы произношения и грамматик в различных частях христианско-славянского мира были довольно значительны. Если в Македонии староцерковнославянский язык еще долго сохранял довольно хорошо свой первоначальный облик, то в других областях очень рано возникли местные переработки этого языка применительно к особенностям местного говора. Следует, однако, заметить, что полного применения к фонетике, грамматике и словарю местного говора нигде не происходило, так что мы можем говорить только о местных видоизменениях одного и того же староцерковнославянского языка, сохранившего свою индивидуальность всюду, несмотря на эти видоизменения.

Таким образом, единый староцерковнославянский язык уже в очень древнее время претерпел известные местные изменения и непосредственно породил ряд местных форм. Нам известно несколько таких видоизмененных местных форм (или редакций), восходящих непосредственно к староцерковнославянскому языку: македонско-церковнославянский язык (в глаголических памятниках), стоящей ближе всего к старому

прототипу, далее хорватско-церковнославявсквй язык (в глаголических памятниках), древнеболгарско-церковнославянский язык и язык так называемых «Киевских листков» – загадочного памятника, скорее всего чешского (моравского) происхождения ^[2]. Из этих непосредственных наследников староцерковнославянской литературно-языковой традиции только древнеболгарско-церковнославянский язык оказался плодоносной лозой. Остальные вышеперечисленные ветви вскоре совсем захирели и исчезли, за исключением разве хорватско-церковнославянского, существовавшего дольше других, но уже не в старом своем виде, а с сильной примесью болгарской традиции. Таким образом, прямым продолжением линии староцерковнославянской традиции явился только именно древнеболгарско-церковнославянский язык. Этот последний представляет собой основательную переработку староцерковнославянского языка, предпринятую в старом болгарском царстве под покровительством болгарских царей (особенно Симеона-книголюбца) и при участии византийски образованных болгарских иерархов, монахов и священнослужителей. Изобретенный св. Кириллом алфавит, так называемая глаголица, был заменен новым алфавитом, который у нас по недоразумению принято называть “кириллицей” хотя лучше было бы назвать его симеоницей, и который был создан на основе греческого заглавного письма с добавлением некоторых букв из глаголицы (в сильно измененном виде). Видоизменен был также словарный состав староцерковнославянского языка, введено было много новых слов, созданных по образцу соответствующих греческих или заимствованных из живого болгарского говора, устранены были некоторые слова моравского происхождения или прочные заимствования из греческого, отдельные, по-видимому, уже устаревшие или слишком диалектические солунско-славянские или моравско-славянские слова были заменены другими, более употребительными в разговорном языке высших классов старого болгарского царства. Подновлена была и грамматика. Словом, церковнославянский язык предстал в новом, освеженном и более воплощенном виде. И в таком виде он стал не только официальным языком церкви и болгарского царства, но и мощным орудием прививки византийской духовной культуры к славянскому племени. Через посредство многочисленных переводов с греческого, предпринятых в эпоху расцвета болгарского царства, славянский мир как бы жадно всасывал в себя богатства духовной культуры Византии. На этих переводах вырабатывался и самый стиль Церковнославянской литературы, стиль, всецело определяемый влиянием греческого литературного языка и греческой литературной традиции, но в то же время настолько укоренившийся, что сохранялся даже и в оригинальных, непереводаемых произведениях болгарских авторов. Примыкание к греческой литературно-языковой традиции, таким образом, по сравнению со староцерковнославянским языком славянских первоучителей не только не ослабло, но, пожалуй, еще и усилилось.

Будучи по своему происхождению местным видоизменением староцерковнославянского языка, древнеболгарско-церковнославянский язык в свою очередь распространился среди других славянских племен, претерпев опять-таки у этих племен местные видоизменения. Но условия теперь были уже несколько иные. Во-первых, расхождение между римской и византийской церквами к тому времени настолько уже обозначилось, что славянский литургический язык, являвшийся в своей второй древнеболгарской редакции ярким проводником византийского влияния, не мог распространиться среди тех славян, которые были подчинены римской церкви. А во-вторых, древнеболгарско-церковнославянский язык был уже гораздо более оформлен и определен, чем староцерковнославянский, и потому не мог подвергаться таким сильным местным видоизменениям. Те местные видоизменения, которые он претерпевал, касались главным образом его звуковой стороны и лишь отчасти в очень слабой мере грамматики.

Такими местными видоизменениями древнеболгарско-церковнославянского языка являются старосербский церковнославянский язык (известный по памятникам с XII в.) и старорусский церковнославянский язык (известный по памятникам с XI в.). Кроме того, таким же видоизменением следует считать и среднеболгарский язык, господствовавший в Болга-

рии с XII в.^[3] Из этих трех ветвей две засохли, не оставив потомства, и только одна русская ветвь выжила. <...>

В таком слегка видоизмененном виде церковнославянский язык в Древней Руси рассматривался как единственный литературный язык, и на нем писались даже оригинальные, не переводные произведения русских авторов.

В то же время церковнославянская литература развивалась и у южных славян, причем в связи с этим развитием совершенствовалась и стилистика церковнославянского языка и все более и более стабилизировались его грамматика и словарь. Но в связи с турецким завоеванием и разрушением южнославянских царств литературная деятельность южных славян попала в чрезвычайно неблагоприятные условия. Отдельные представители южнославянской образованности с XIV века стали эмигрировать в Россию, где встретили радужный прием и сейчас же были использованы как литературные силы. Благодаря им в русскую церковнославянскую традицию влилась сильная струя церковнославянской традиции сербской и среднеболгарской, и это в такое время, когда на Балканах южнославянская традиция уже постепенно умирала^[4]. К XVII веку сербская и болгарская церковнославянские традиции как самостоятельные отпрыски основного древнеболгарского церковнославянского ствола окончательно умерли, успев, таким образом, веред смертью вдохнуть новую жизнь в русскую церковнославянскую традицию.

К XVII веку церковнославянская традиция жила еще только в двух центрах – в Москве и в Киеве, – из которых каждый имел свой район влияния. При этом традиция московская была не совсем та же, что традиция киевская. После присоединения Украины такое сосуществование двух традиций церковнославянского языка стало невозможным. Должна была наступить унификация. Процесс этот протекал не безболезненно: всем известно, какую бурю вызывало исправление московских богослужебных книг по львовским и киевским образцам и деятельность в Москве киевских ученых. Как бы то ни было, в XVII в. киевская традиция церковнославянского языка одолела московскую, вытеснила ее в старообрядческое подполье, а сама воцарилась в Москве, сделавшись отныне общерусской. Разумеется, эта киевская традиция сама претерпела кое-какие изменения, применившись к новым обстоятельствам и впитав в себя некоторые черты традиции московской.

Таким образом, в XVII веке из соединения восточнорусского церковнославянского языка с западнорусским (при преобладании именно этого последнего) возник общерусский церковнославянский язык. А так как в предшествующие века русский церковнославянский язык вобрал в себя традицию южнославянскую, прекратившую свое самостоятельное существование, то этот образовавшийся в XVII веке общерусский церковнославянский язык оказался единственным носителем староправославянского преемства и сделался языком всех православных славянских церквей^[5]; с этого времени и южные славяне пользуются в православном богослужении книгами русской редакции со всеми чертами русского произношения, хотя и видоизмененными слегка благодаря природному акценту туземных южнославянских языков^[6].

Русский литературный язык в конечном счете является прямым преемником староправославянского языка, созданного св. славянскими первоучителями в качестве общего литературного языка для всех славянских племен эпохи конца праславянского единства.

Историко-лингвистическое комментирование текста

Вопросы для комментирования отрывка из «Житие Стефана Пермского»

1. Как лексический состав «Жития Стефана Пермского» отражает богатство и разнообразие языковых средств древнерусского языка? Приведите примеры слов разных тематических групп и генетически разнородной лексики.

2. О чем свидетельствует значительная представленность синонимии в тексте «Жития...»? Приведите примеры синонимических рядов; определите значения синонимов и установите различия между ними. Какую роль выполняют синонимические ряды в тексте?
3. Какие приемы организации текста связывают «Жития...» с болгаро-византийской книжной традицией? Приведите примеры метафор, сравнений, повторов и др. такого типа.
4. Приведите примеры художественных языковых средств, сближающих этот памятник с произведениями устного народного творчества.

Житие Стефана Пермского

Зачало о житии его. Сии преподобнии отец наш Стефан бе убо родом русин, от языка словеньска, от страны полунощныя, глаголемыя Двиийския, от града, нарицаемаго Устьяга, от родителю нарочиту, сын некоего христороубца, мужа верна христиана, именем Симеона, единого от клирик великия сборныя церкви святыя богородица, иже на Устьязе, и от матере, такоже кристианы, нарицаемыя Мариа. И еще детищем сый, из млада, вдан бысть грамоте учити, юже вскоре извыче всю грамоту, яко до года и конархати ему; таче и чтець бысть в соборней церкви. Бе убо превзиде паче многих сверстник в роде своем, добропамятством и скоровычением преуспеваа и остроумием же и быстростию смысла превосходя. И бысть отрок доброразумичен зело, успеваше же разумом душевным, и верстою телеси и благостию. К детям играющим не приставаше; иже в пустошь текущим, и всеу тружующимся, и тщетнаа гонящим не внимаше ни водворяшеся с ними; но от всех детских обычаев и нрав и игр отвращашеся, но точию на славословие упражняся, и грамоте прилежаше, и книгам всяким вычению¹ издався: ти тако, Божиим дарованием, в мале много извыкнувшу ему естествоною остротою ума своего. Научи же ся в граде Устьязе всеи грамотичней хитрости и книжней силе. Вздратьшу ему в девьстве и в чистоте и целомудрии и многы книги почитавшу, ветхаго и новаго завета, и оттуду рассмотрив житие света сего маловременное и скоро минующее и мимо ходящее, акы речная быстрина или акы травный цвет, апостолу глаголющу: мимо идетъ слава мира сего, акы травный цветъ; и усше трава и цвет ея отпаде; глагол же господень пребывает в веки; и другому апостолу глаголющу: всем нам явится подобает пред судищем Христовымъ; и еже в святых евангелиих господу глаголющу: иже кто оставит отца и мать, жену и дети, братию и сестры, дома и покушашеся изучити, и того ради и грамоту пермскую сотвори, понеже зело желаше и велми хотяше еже шествовати к Перми, и учити люди некрещеныя, и обращати неверныя человеки, и приводити я к Христу богу в веру христианьскую. Не токмо же помысли, но и делом сотвори, и сице же ему умыслившу еже издавна, то у него здумано бяше. Слышал бяше преподобнии сеи о Пермской земли, яко идолослужители в ней суть, яко деиство диаволское царюет в ней. Бяху бо в Перми человецы, всегда жруще глухим кумиром и бесом моляхуся, волшвением одержими суще, верующе в бесование и в чарование и в кудесы. И о сем зело сжалися раб божии, и велми печаловаше о их прелщении, и разгарашеся духомъ, понеже человецы богом сотворени и богом почтени суще, но врагу поработишася. И о сем скорбяше не худе, како бы их исхытил из руки вражиа...

О азбуке прьмстей... Коль много лет мнози философи еллинстии сбирали и составлявали грамоту греческую и едва уставили мнозехи труды и многими времены едва сложили; пермскую же грамоту един чрънец сложил, един составил, един счинил, един калогер, един мних, един инок, Стефан глаголю, приснопомнимый епископ, един в едино время, а не по многа времена и лета, якоже и они, но единъ инок, един въединеныи и уединяся, един, уединеныи, един у единого бога помощи прося, един единого бога на помощь призываа, един единому богу моляся и глаголя: "боже и господи, иже премудрости наставниче и смыслудавче, несмысленным казателю и нищим заступниче: утверди и вразуми сердце мое и даи же ми слово, отчее слово, да ты прославляю в веки веком" . И

сице един инок, к единому богу помоляся, и азбуку сложил, и грамоту сотворил, и книги перевел в малых летех, богу помогающе ему; а они мнози философи, многими леты, седмь философов, едва азбуку уставили, а 70 муж мудрец преложение перетолмачили, книги от жидовьска на греческый язык преведоста...

Плачь пермьских людей... Они же, егда услышаша преставление его, восплакаша со слезами, и в тузе сердечней вопиашу, умилением, жалостно сетующе, и вси начаша глаголати: "горе, горе нам, братие, како остахом добраго господина и учителя! горе, горе нам, како лишени быхомъ добраго пастуха и правителя! о како отъяся от нас иже многа добра нам податель, о како остахом очистника душам нашим и печалника телом нашим, то перво остахом добра и промышленника и ходатая, иже был нам ходатаи к богу и к человеком... Камо заиде доброта твоя, камо отъиде от нас, или камо ся еси дел, от нас изиде, а нас сирых оставил еси, пастуше нашъ добрый, оставил еси свое си стадо заблужатися и скытатися по горам, горопленным и волкохищным быти! кому приказал еси стадо свое, еже о пастве попечение! кто же ли тако, яко же ты, попечется нами, овцами заблуждышими, не терпим бо бес тебе быти, быхом бо бес тебе скорбни и смущени, быхом яко овца, не имуще пастуха, быхом имуще печаль без утешения! кто же ли утешить печаль нашу, обдержашую ны, к кому ли прибегнем, или к кому возрим, где ли услышим словеса-твоя сладкаа, или где насладимся беседы твоя душеполезныя, видати ли си намъ по тебе такова господина и учителя, или не видати? да аще будетъ видати, то благословен бог, аще ли не видати, то вскую ны еси оставил, вскую отринул ны еси до конца, или прогневался на овца пажити твоя, вскую же пустихом тя на Москву, да тамо почил еси?.. Почто же и обида си бысть на ны от Москвы, се ли есть правосудие еа, имеюще у себе митрополиты, святители, а у нас был един епископ, и того к себе взя, и ныне быхом не имуще ни гроба епископя! Един тот был у нас епископ, то же был нам законодавец и законоположник, то же креститель, и апостол, и проповедник, и благовестник, и исповедник, святитель, учитель, чиститель, посетитель, правитель, исцелитель, архиереи, стражевожь, пастырь, наставник сказатель, отец, епископ. Москва убо многы архиерея имущи, изобилующи, излишествующи: мы же токмо того единого имехом, но и того единого не сподобихомся, и быхом скудствующе, недостаточствующе, и сетующе, яко обнищавом зело, яко смирихомся, яко убожавом зело, изоумехомся, требуем бо руководителя и проводника... О како не сетуем, яко не на своем столе почил еси, добро же бы было нам, аще бы рака мощии твоих была у нас, в нашей стране, а в твоеи епископии, нежели на Москве, не в своем пределе; не тако бо тебе москвичи почтут, якоже мы, ни тако ублажать. Знаем бо мы тех, имже и прозвище ти кидашу, отнюду же неции яко и храпом тя зваху, не разумеюще силы и благодати божиа, бываемыя в тебе и тобою, а мы быхом тебе длъжную честь vzdали, яко длъжни суще тебе, яко твои есмы ученицы, яко чада твоя присная, елмаже тобою бога познахом и истления избыхом, тобою от прелести бесовьскыя избавихомся, крещению сподобихомся. Тем же в респоту убо достоить нам почтити тебе, яко достойна суца хвалы: достоин бо, рече, делатель мзды своея, да како тя взможем по достоянию восхвалити или како тя ублажим, яко сотворил еси дело равно апостолом. Хвалит бо Римскаа земля обою апостолу Петра и Павла, чтить же и блажить Асиискаа земля Иоанна Богослова, Египетьская Марка евангелиста, Антиохиискаа Луку иевангелиста, Греческаа Андрея апостола. Рускаа земля великого князя Володимера, крестившаго ю, Москва же блажит и чтит Петра митрополита, яко новаго чюдотворца, Ростовская же земля Лионтия, епископа своего; тебе же, о епископе Стефане, Пермскаа земля хвалит и чтит яко апостола, яко учителя, яко вожа, яко наставника, яко наказателя, яко проповедника, яко тобою тмы избыхом, яко тобою свет познахом. Тем чем ты яко делателя винограду Христову, яко терние востерзал еси, идолослужение от земля Пермьския, яко плугом, проповедию взорал еси, яко семенем учением словес книжных насеял еси в браздах сердечных, отнюду же взрастають класы добродетели, их же, яко серпом веры, сынове пермьстии жнут радостныя рукояти, вяжуще снопы душеполезныя, и яко сушилом воздержания сушаше, и яко цепы терпения млатяще,

пермьстей писателя? Многа имена твоя, о епископе, много именитство стяжал еси, многих бо даров достоин бысть, многими благодатьми обогател еси.

Вопросы для собеседования

1. Периодизация истории русского национального литературного языка.
2. Церковнославянский язык в новых исторических условиях: три редакции церковнославянского языка.
4. Новые жанры и новые тексты.
5. Церковнославянский и русский язык в «Домострое»; новые нравственные идеалы.
6. Традиции церковной книжности в «Каноне Ангелу грозному воеводе».